

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

*Эжен Э. и автор
Вюлье-ле-Тюк*

осада и оборона крепостей

Двадцать два
столетия
осадного вооружения

Эжен Виолле-ле-Дюк

**Осада и оборона крепостей.
Двадцать два столетия
осадного вооружения**

«Центрполиграф»

Виолле-ле-Дюк Э. Э.

Осада и оборона крепостей. Двадцать два столетия осадного вооружения / Э. Э. Виолле-ле-Дюк — «Центрполиграф»,

На примере типичной европейской крепости, которая здесь называется Ла Рош-Пон, известный французский реставратор и историк архитектуры Виолле-ле-Дюк рассматривает этапы развития фортификационных сооружений и осадных орудий на протяжении более двух тысяч лет. Автор рассказывает о тонкостях политических интриг и проблемах религиозных конфликтов, описывает особенности строительства укреплений, виды обороны и взятия крепостных сооружений, эволюцию используемого войсками оружия и различные тактики ведения боя. Написанный как захватывающий роман, грамотно аргументированный труд Виолле-ле-Дюка во всем мире признан выдающимся произведением в области истории военного искусства. Книга снабжена иллюстрациями, чертежами, схемами и терминологическим словарем.

© Виолле-ле-Дюк Э. Э.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк

Осада и оборона крепостей. Двадцать два столетия осадного вооружения

Я хорошо знаю, что нужно потерять, а что нужно завоевать, и нет ничего неприступного; но лучше сто тысяч раз умереть, если у вас не остается ничего иного, чем произнести это ненавистное и позорное слово: «Сдаюсь!»

Де Монлюк. Комментарии

Глава 1

Первое отступление

Много зим, как рассказывали старики в округе, прошло с тех пор, как первые человеческие существа обосновались в стране Ое, некоей обширной долине переменной ширины, которую пересекала извилистая речка, бегущая на юг до того места, где она впадала в большую реку.

Борта долины представляли собой череду холмов умеренной высоты, спускавшихся вниз своими пологими склонами туда, где долина расширялась, и более круто туда, где она сужалась. На более крутых склонах иногда обнажались стремящиеся ввысь серые скалы, а земля здесь бывала усеяна обломками камней. Взбираясь вверх по течению речки примерно через три часа от места, где она впадает в большую реку, мы обнаружим справа от себя еще одну речку, разделяющуюся в пределах приподнятой долины на несколько небольших рукавов. Летом некоторые из этих рукавов пересыхают, а другие образуют озерки, берега которых покрыты камышом и кувшинками. Обитатели здешних мест опасаются этой долины, которую, как они считают, навещают злые духи. Здесь опасно прогуливаться из-за того, что тут немало прикрытых сверху листвой и гниющими ветками трясин, в которых тонут неосторожные люди. Лес в этой долине такой густой, а растения и кустарник ак тесно переплетаются со стволами деревьев, что лучи солнца сквозь них пробиваются с трудом, и им удастся осветить лишь заводи, покрытые пеленой зелени. Нечто вроде мыса разделяет в этой точке два водных потока (рис. 1) – реку, бегущую с северо-запада, и речку поменьше, что течет с северо-северо-востока. Эта приподнятая часть местности покрыта густыми лесами, и жители долины редко ходят сюда, кроме разве охоты на дикого быка – тура, кабана, волка и оленя. А дальше этот край выглядит диким; и пришельцы, которые иногда посещают жителей этой долины, чтобы обменять янтарь, медь, золото, соль и изделия из грубой шерсти или пеньки на шкуры животных, придерживаются только маршрута, которым течет большая река. Местное население живет семьями на полянах посреди лесов и на берегах рек, ютятся в конических хижинах, сделанных из укрепленных в земле кольев, связанных вверху и крытых ветками, землей и камышом. Отец семейства занимает одну из таких хижин вместе с женой и детьми, а когда его сыновья подрастают, каждый из них строит другую хибару и берет себе сожительницу.

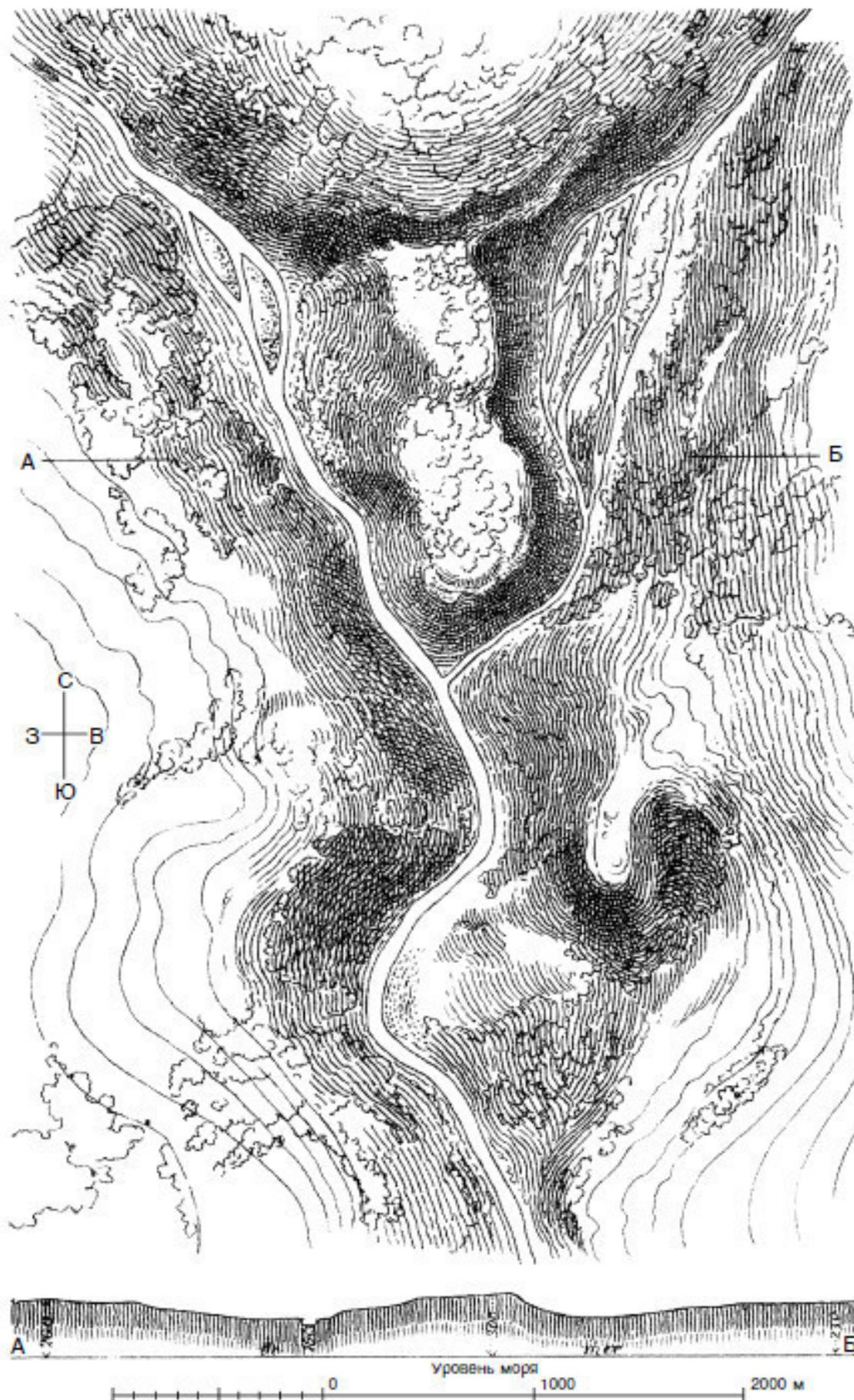

Рис. 1. Карта страны Ое

Единственными средствами существования для людей здесь являются продукты охоты и рыболовства в совокупности с дикими корнями, которые местные жители сушат и растирают между камнями; они не обрабатывают почву, и у них нет стад домашнего скота. Наши источники, описывая их жизнь, добавляют, что им никогда не приходилось сражаться с себе подобными людьми и что, если между семьями возникал какой-либо спор, они призывали старейших глав других семей быть судьями в споре между собой. Те, кто не желал подчиниться их решению, изгонялись из долины вместе со своими семьями; они покидали берега большой реки, и больше о них никто ничего не слышал.

Когда этих стариков спросили далее о том, а были ли здесь какие-нибудь человеческие существа до того, как они обосновались в этой долине, ответ был: «Да, были»; но это были маленькие люди – гномы, – которые ели землю, и у них не было луков и стрел, чтобы убивать диких животных, не было крючков, чтобы ловить рыбу, не было лодок, чтобы пересечь реку; при приближении нынешних жителей эти гномы исчезали и прятались под землей, откуда иногда выходили по ночам, чтобы заниматься своими проказами – перерезать веревки у причаленных лодок или топить сами лодки, умерщвлять грудных детей либо ломать луки или предупреждать лесных животных о намечающейся охоте, чтобы те могли ускользнуть от охотников.

Какое-то время появлялись сообщения – приносимые путниками, добравшимися до долины по реке, – что какое-то чужое племя людей огромного роста и силы, с белокурыми волосами и на лошадях уже заволокло соседние страны, изгоняя оттуда обитателей или убивая тех, кто не мчался прочь при их приближении. (В конце 3-го – во 2-м тысячелетии до н. э. происходила бурная колонизация Западной Европы индоевропейскими (арийскими) племенами с востока (ядро их формирования находилось в степях и лесостепях между Днепром и Южным Уралом). Отсюда, первыми приручив лошадь (и получив огромное преимущество в конкурентной борьбе), имея оружие из твердой бронзы, индоевропейцы наступали на запад, юг и восток – в Индию и Китай, в последнем растворились, принеся, однако, многое из того, на чем поднялась позже (ок. 1520 – ок. 1030 до н. э., легендарные даты 1766—1122 до н. э.) первая китайская цивилизация Шан (Инь). В Западной же Европе из доарийского населения уцелели немногие, например баски – потомки древних иберов. – *Ред.*) Пришельцы говорят на неведомом языке и ничего не предпринимают, не обсудив на своем огромном сборище и не посоветовавшись со старейшинами и женщинами, не щадят никого, кроме детей, и используют их в качестве рабочей силы во всех видах. Эта новость породила ужас в долине; главы семей собрались вместе и решили по очереди вести дозор у устья реки; молодые, которых разместили через равные промежутки, должны были предупредить громкими криками о приходе светловолосых людей, чтобы все жители долины были быстро оповещены и спрятались со своими семьями в лесу, расположенном на выступе, отделявшем реку от меньшего потока в месте их слияния. Наконец, каждый был должен обеспечить себя запасами продовольствия, которого хватило бы для охотничьей вылазки продолжительностью несколько дней.

Тем временем старейшины совещались между собой. Они решили, что при первом крике тревоги и в то время, пока захватчики будут входить в долину по одному из берегов, все обитатели этой стороны должны на лодках перебраться через реку на другой берег, чтобы объединить силы с теми, кто населяет его, и что все вместе они должны быстро перенести свой скарб в то место, где долина разделяется, чтобы поставить лодки на прикол ниже утеса на левом берегу, выше устья малой речки; что все женщины, дети и старики укроются на высоком берегу над скалой, а все боеспособные люди, отделенные от светловолосых людей большой рекой и речкой, могли принять решение, применить ли им свои луки или бежать вверх, в лес. Спустя несколько дней, как раз когда солнце начало садиться, долина огласилась тревожными кри-

ками, стократно повторявшимися, – они сообщали о том, что светловолосые люди подходят и вступают в долину с западной стороны.

Немедленно вся округа – лишь за несколько минут до этого погруженная в тишину – начала заполняться непрерывным глухим шумом; большинство жителей с правой стороны бросились в своих лодках к левому берегу; но некоторые либо по беспечности, либо потому, что были поодаль от своих жилищ, не смогли последовать совету старейшин.

Тем временем захватчики продвигались с предосторожностями: сперва показался конный отряд, объехавший лес кругом, затем их воины собрались на лужайках и, похоже, решили посоветоваться перед тем, как двинуться дальше. Они схватили нескольких слонявшихся несчастных бездельников из числа жителей долины. Их связанными погнали к месту сбора захватчиков и тщательно допросили, но те не понимали ничего, о чем их спрашивали.

Некоторое время спустя долина, насколько было видно, вся заполнилась людьми – пешими, верховыми и с колесницами; и отовсюду слышались крики. Солнце погрузилось за горизонт, но крики по-прежнему были слышны, и со всех сторон вверх поднимались столбы дыма; наступила ночь, и долина осветилась огнем костров, и постепенно наступила тишина.

Собравшись у подножия скалы на берегах обеих рек, люди страны Ое спрятали свои лодки в камышах; они отправили женщин, детей и престарелых в сторону плато; люди не осмеливались разжигать огонь, чтобы никоим образом не привлечь внимание оккупантов. Ночь прошла в бесплодных раздумьях; некоторые смелые охотники предлагали воспользоваться тем, что светловолосые спят, переплыть реку и напасть на них, как это они сделали бы с дикими животными, и перебить их всех своими каменными топорами; но главы семей посчитали, что их слишком мало для выполнения любого подобного плана; они убеждали, что за этим отрядом завоевателей следуют другие, что у них есть лошади и поэтому захватчики могут легко ускользнуть, что они выглядят высокими и сильными; и, помимо этого, они, вероятно, не убили тех жителей, которые оказались на их пути, как это рассказывали путники.

На рассвете долина огласилась необычными звуками, каких жители страны Ое никогда не слышали. Это не были крики мужчин или песни женщин, не было это и мычанием диких быков. Эти шумы привели беженцев в ужас. Они побросали свои лодки и взобрались на скалистый берег; отсюда, прячась в зарослях, старожилы долины могли разглядеть сквозь деревья, что происходит в долине. Скоро на противоположной стороне реки неподалеку они заметили многочисленный отряд вражеских воинов. Со скалы было видно, что некоторые забытые при бегстве челноки сейчас направлялись захватчиками вверх по течению. Светловолосые пробрались сквозь камыши, отвязали лодки и с громкими криками направили их к берегу напротив скалы. На эти крики со всех сторон слышались ответные возгласы, и весь отряд ринулся на берег. Но в этот момент, видимо, вмешались старейшины; они какое-то время посоветовались и, похоже, пригрозили тем, кто в нетерпении рвался в лодки, часто показывая в сторону возвышавшегося над долиной плато. Основная часть отряда вновь отошла от берега, и только с десятков мужчин уселись в две лодки, которые устремились к противоположному берегу у подножия скалы. С ними были два жителя страны Ое, связанные за шею кожаными ремнями. Захватчики высадились на берег, поставили пленных перед собой и стали взбираться на плато. Двенадцать светловолосых мужчин были вооружены дубинками, заканчивавшимися длинным блестящим металлическим наконечником. У некоторых в руках были луки с вложенными стрелами. Они были одеты в короткие туники с украшениями, руки были обнажены, а ноги до колен были обернуты кожаными ремнями, к которым были привязаны закрытые сандалии. На талии у каждого из них был кожаный пояс, на котором висел мешок, тоже из кожи, с сохранившейся шерстью животного, два ножа (один длинный, а другой очень короткий) и топор, лезвие которого было изготовлено из бронзы; их шеи и запястья были украшены нитками больших стеклянных бусин или маленькими металлическими браслетами. У многих волосы были собраны в пучок на макушке и скреплены большими булавами из кости или бронзы; у других волосы делились

на длинные локоны. Подбородки были тщательно выбриты, в то время как усы доставали до груди (характерно для кельтов, а также славян и других индоевропейских общностей. – *Ред.*). Внешний вид их был страшен, потому что все они были высокого роста; их светло-голубые глаза, очерченные черными линиями, сверкали наподобие алмазов под кустистыми бровями, выкрашенными в бриллиантовый красный цвет.

Подойдя на расстояние пятидесяти шагов от уступа скалы, где было чуть больше места, они остановились, и один из пленных произнес следующее:

«Светловолосые люди захватили нескольких из нас; они не причинили нам зла; они не сожгли наши хижины, не убили женщин и детей. Они хотят жить с нами всегда в мире на одной земле. Они не будут мешать нам охотиться, или ловить рыбу, или жить здесь с нашими женами и детьми. Они говорят, что эта земля хорошая и может прокормить много больше людей, чем сейчас. Они несут с собой множество вещей, полезных для человека. Они научат молодежь верховой езде и тому, как использовать оружие против злых людей. В общем, они говорят, что нам нечего бояться и что мы можем вернуться в свои жилища.

Мне все это сказал один из тех, кто говорит на том же языке, что и мы, и кто когда-то жил в нашей долине, из которой его изгнали. Светловолосые также говорят, что, если вы не вернетесь в свои дома и не будете жить с ними в мире, они убьют нас всех, как диких животных, потому что светловолосых много и они сильны. Они будут ждать вашего ответа здесь до тех пор, пока солнце не окажется в зените. Это все, что мы должны сказать».

Тогда из леса вышли и приблизились к пленникам несколько старейшин долины; но группа светловолосых воинов подала им знак не подходить ближе, и при этом они вложили стрелы в свои луки. Пленник, только что произнесший речь, вновь обратился к ним: «Не подходите ближе, посоветуйтесь между собой и быстро дайте ответ. Это все, что мы должны сказать».

Тогда старики собрались вместе, и, отрезав несколько ветвей от деревьев, на которых они сами сидели, один из них произнес следующее: «Эти светловолосые люди с раскрашенными лицами более многочисленны, чем мы; мы не можем изгнать их из этой долины; если они хотят жить с нами в мире, как они это говорят, почему бы нам не считать их друзьями? Разве им выгодно убивать нас? Нет. У них есть много такого, чего у нас нет, и они обеспечены тем, что им необходимо. Заметили ли вы стада животных, груженные повозки и женщин и детей, которые их сопровождали? Они не грабители с пустыми руками. Давайте примем условия, которые они нам предлагают».

Тут поднялся один из охотников, относившийся к храбрейшим в долине, и произнес в свою очередь: «Почему эти люди с раскрашенными лицами пришли в нашу долину? Для того чтобы завладеть ею и прогнать нас отсюда. Они чужие для нас. Почему они не остаются там, где родились? Хватит ли рыбы в реке и дичи в лесу, чтобы прокормить нас и их? Они заберут все, а нам не оставят ничего. Сражаться против них невозможно – это так, но мы можем бежать. Не так далеко есть другие долины и другие реки. Давайте заберем наших жен и детей; я знаю хорошие леса в трех днях пути отсюда. Давайте оставим наши хижины и наши лодки и уйдем, и будем жить вдаль от этих чужеземцев». После того как были высказаны эти два противоположных мнения, раздался гул сотен голосов; некоторые поддерживали мнение старика, другие – охотника.

А несколько молодых людей захотели даже напасть на этот маленький отряд чужеземцев и перерезать всех.

Некоторые из самых уважаемых жителей долины Ое несколько раз пытались добиться тишины, чтобы выслушали и их, но брожение продолжало нарастать, собрание раскололось на группы, женщины начали кричать и рыдать, а дети плакать. Тем временем небольшой отряд светловолосых на их берегу начал рубить кусты и шиповник и сооружать из всего этого защитную ограду.

Вскоре реку пересекли еще двенадцать лодок, из них вышли шестьдесят чужеземцев и присоединились к первым двенадцати. У этих было двенадцать овальных плетеных щитов, покрытых шкурой. Они установили щиты на землю и закрепили стойками, вбитыми в землю, и расположились позади щитов; были видны только их головы, окрашенные в красное и синее, да их сверкающие глаза. Они вместе громко смеялись.

Наступил полдень, а среди беглецов продолжало царить замешательство. Потом снова послышались те же странные звуки, которые так встревожили несчастных обитателей Ое на рассвете; и берег напротив скалы покрылся множеством светловолосых воинов, разбитых на несколько отрядов, и все были вооружены. Они стали переправляться через реку и рассаживаться в ряд на берегу под обрывом. Потом пленник, уже выступавший до этого, приблизился в одиночку к лесу и, когда его можно было услышать, произнес: «Друзья мои, братья мои, сейчас на вас нападут, а нас убьют на ваших глазах. Пожалейте сами себя, пожалейте и нас. Спуститесь к светловолосым людям; они не причинят вам никакого зла; они отнеслись уважительно к вашим домам и женщинам, которые попали к ним в руки. Не думайте, что сможете защититься, – они перебьют вас своим острым оружием!» При этом последнем призыве беглецы умолкли, и поднялся один из жителей долины, который с утра не произнес ни единого слова. Это был невысокий, крепкого сложения человек со смуглой кожей и кудрявыми волосами; он был хорошо известен как искусный плотник, и самые лучшие лодки были произведением его рук. «Больше нет времени для споров, – произнес он. – Пусть те, кто хочет оставаться в долине, выйдут из зарослей, а остальные как можно быстрее спрячутся в глубине леса. Они смогут убежать вместе со своими семьями; ведь чужеземцы не знают, сколько нас здесь. Что до меня, то я останусь там, где родился». Много людей собралось вокруг плотника с восклицаниями, в сопровождении своих жен и детей; и все вместе, не задерживаясь ни на минуту, предстали перед войском чужеземцев. «Мы вернемся в свои жилища» – вот все, что сказал плотник пленному переводчику, и потом они двинулись вперед к небольшому лагерю.

У многих в руках были луки и каменные топоры. «Бросьте оружие, – сказал пленный. – Бросьте свое оружие, оно вам больше не понадобится». Захватчики, занявшие позиции на берегу, разделившись на две группы, быстро взбирались вверх по склонам скалистого берега справа и слева; так что через несколько минут плотник и его компаньоны были окружены неисчислимой толпой, которая рассекла массу беглецов, разбила их на мелкие группы и отобрала то небольшое оружие, которое все еще сохраняли у себя некоторые.

Чужеземцы смеялись, прыгали и прислонялись челом к груди жителей долины в знак своей доброй воли. И несколько сот местных жителей побрели вниз к реке в окружении своих новых гостей. Там их заставили рассестись по лодкам, и они вернулись в свои дома, которые оказались полностью разграбленными. Многие из хижин оставались пустыми, и пришельцы стали их хозяевами, не особенно заботясь об уважении к местным жителям и к тому, что с ними стало.

Глава 2

Оппидум

Спустя два столетия земля Ое обрела новый облик, а ее название изменилось. Теперь ее именовали долиной Авона.

Прекрасные поля, дававшие возможность пасти стада, устилали ковром склон пограничного холма; а внизу, в долине, зрел урожай ячменя и ржи. Водоразделы все еще были покрыты лесами, а повсюду среди лугов виднелись деревянные дома, окруженные оградами-палисадами, раскрашенными в яркие цвета.

Омуты малой речки были осушены, а на самом вершуге скалистого берега четко вырисовывался на фоне неба откос Оппидума, господствовавшего над долиной и двумя реками. История его происхождения такова.

Вскоре после вторжения светловолосого народа (здесь – кельтов. – *Ред.*) бежавшие в леса прежние обитатели долины появились вновь, на этот раз в сопровождении огромного количества людей того же племени, и как-то на рассвете с огромной яростью и громкими криками набросились на чужеземцев.

Те, не ожидая нападения, тем не менее защищались изо всех сил; но самые молодые и самые активные из них собрались на вершине утеса, где стали дожидаться прихода ночи. Тогда они бесшумно спустились вниз, перешли речку и в свою очередь обрушились на людей старого племени, которые считали, что долину себе отвоевали. Многие из людей старого племени спали; многие разбрелись в поисках пищи и трофеев. Молодые светловолосые перерезали множество их, не делая разницы между старыми жителями, которые, покорившись светловолосым, оставались в своих домах, и теми, кто представлялся врагами; щадили только женщин и детей.

После совета старейшин народа светловолосых и после совещания с их женщинами было решено, что для того, чтобы избежать новых сюрпризов и защитить новых жителей долины, надо построить большой лагерь над скалой, где в случае тревоги люди долины Авона могли бы укрыться со своими семьями, стадами, продовольствием и оружием, отбить любой штурм и в подходящий момент произвести свою атаку.

Поэтому вершина скалы была расчищена; все трудоспособные мужчины должны были отрабатывать каждый четвертый день до тех пор, пока укрепленный лагерь не будет закончен; а те из старых обитателей, которым удалось избежать резни, а также женщины и дети должны были без перерыва трудиться на строительстве валов. Женщины готовили пищу для работников, а дети носили землю в корзинах или приносили ветви деревьев, которые смешивались с землей.

Точно по краю плато вожди восьми племен светловолосых, обосновавшихся в долине, отметили границу укрепленного лагеря, его входы, его оборонительные сооружения, убежище для стариков, место для скота, а также для жилищ семей и, наконец, место, подходящее для воздвижения Немеды (святилища) храма Белена (насчет имен кельтских богов не все ясно. Однако известны Дис (или Дит) Патер – Отец богов; покровитель ремесел и создатель Луг; громовержец Таранис; Тевтатис и Огмиос – боги войны; Мапонус и Бригита (что-то вроде Аполлона и Афины соответственно); а также Езус, Эпона, Кернуннос и другие, имена которых неизвестны (как, например, божества, аналогичного римскому Плутону, покровителя царства мертвых. – *Ред.*) и жилищ друидов (друиды – «люди дубовых деревьев» (дуб особо почитался кельтами) – жрецы, судьи, а также лекари, маги, мудрецы и провидцы кельтских племен. – *Ред.*).

Прежде всего с помощью крепких рычагов из дерева, закаленного в огне, выступавшие над поверхностью высокого берега над скалой камни были вынуты и разложены по упомянутому выше периметру; потом на этот слой, позади которого был сложен крупный галечник,

смешанный с землей, были уложены крест-накрест стволы деревьев через каждые 4 фута. Промежуток между стволами заполняли камнями, землей и ветвями. Затем еще один слой камней смешивался с землей, потом три ряда стволов деревьев, на этот раз уложенных по длине, скрепленных прочными связками ивовых прутьев, причем всегда в промежутке укладывался галечник. На это – третий слой камней, затем еще слой из стволов деревьев поперек, перекрывающий другие, а верх вала – из галечника, дерна и почвы, образуя пешеходную дорожку в укреплении.

Через каждые 5 футов (более 1,5 метра) вертикально устанавливались столбы, и их прочно забивали в глубину на 3 фута (более 0,9 м) в укрепление на внешней стороне, где они использовались для закрепления с помощью ивовых связок плетеных изгородей высотой 5 футов 6 дюймов (около 1,7 метра), при этом образовывался непрерывный бруствер с амбразурами.

Крепостной вал вырос до высоты 5 футов (более 1,5 метра). Была построена ограда, друиды обозначили территории, отведенные восьми племенам. Каждому из них внутри лагеря выделялось круговое пространство 200 футов (61 метр) в диаметре; жилища располагались двумя кольцами по периметру; в центре находился загон для животных и жилище вождя племени.

Общий вид лагеря приведен на рис. 2, где показаны крепостной вал, два входа, выкопанные рвы, защищенные с одной стороны валом, насыпанным землей, которая извлекалась при строительстве рвов, и восемь кругов, отведенных племенам; в секторе А находится Немеда и жилище друидов и жриц, окруженное священной оградой. В каждом из кругов, а также в ограде Немеды были выкопаны колодцы.

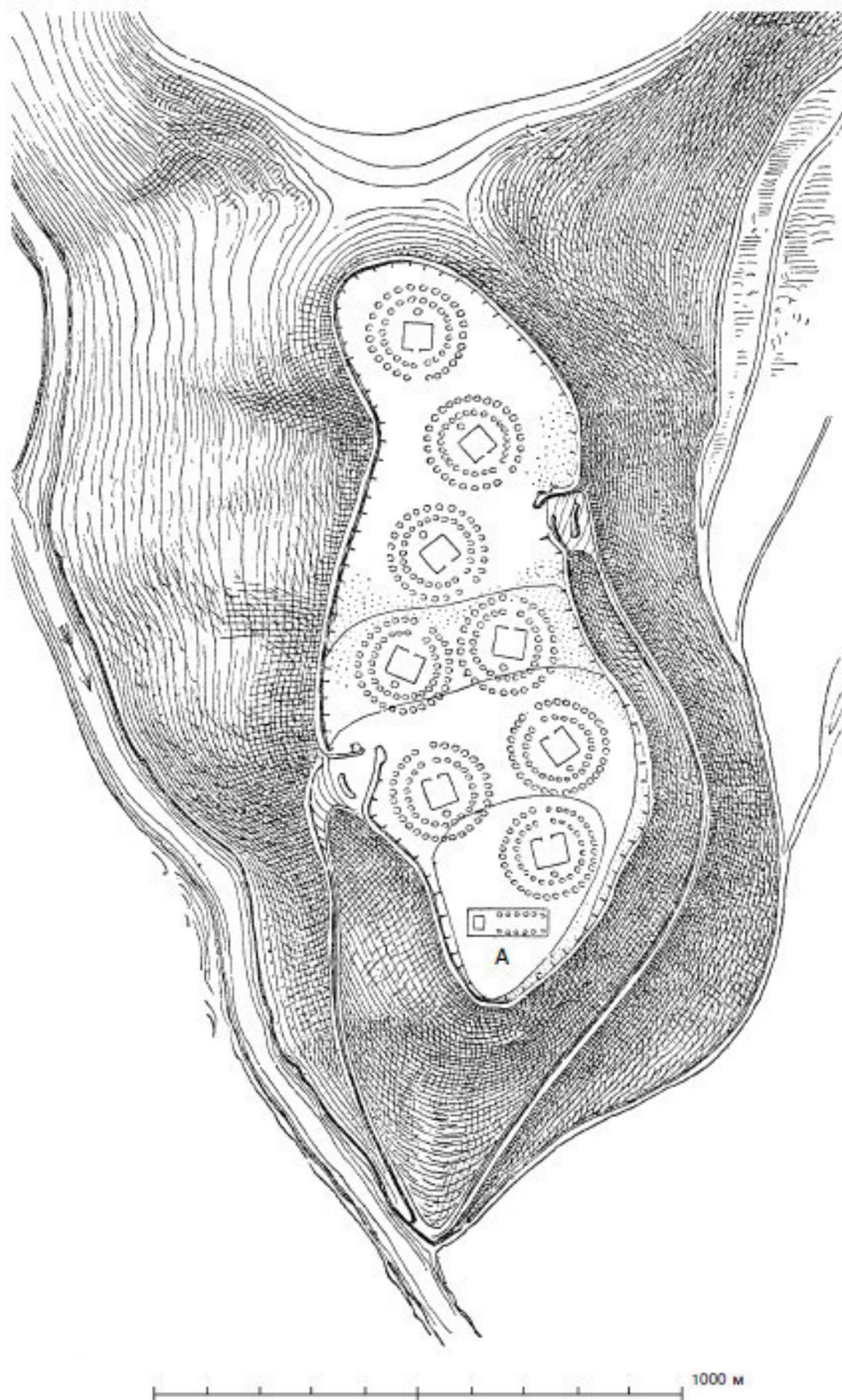

Рис. 2. Оппидум

На рис. 3 изображена часть крепостного вала с террасой *А* для передвижения защитников; через определенные интервалы имелись скаты *Б*, удобные для того, чтобы подняться на террасу. Входы в крепость маскировались насыпью, образующей передовые сооружения и оставляющей два выхода вдоль крепостной стены.

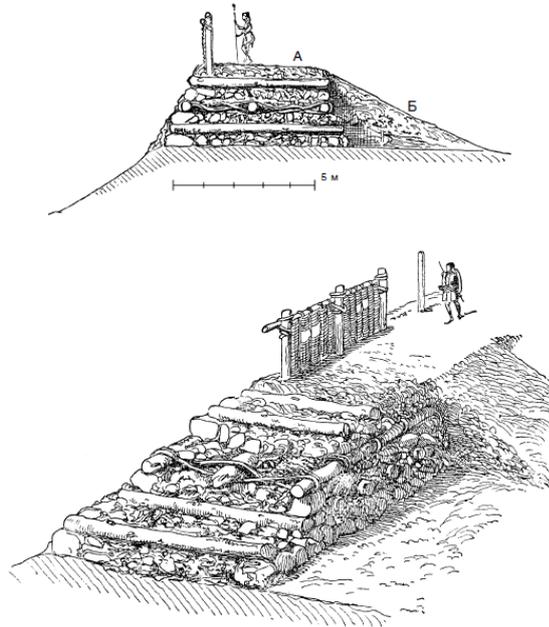

Рис. 3. Крепостной вал Оппидума

На рис. 4 показано, как располагались эти входы. Две оконечности крепостной стены были укреплены более широкой насыпью, *З*, создающей пространство для многочисленных групп защитников. Здесь же показан быстро устанавливаемый заслон, прикрывающий выемку в валу, и в *Л* выкопанная дорога со своим валом *М*.

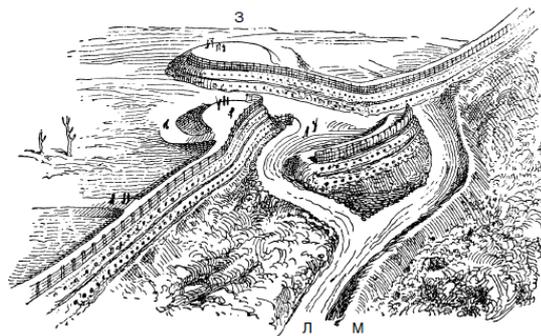

Рис. 4. Ворота Оппидума

На рис. 5 показана Немедас с ее оградой и жилищами друидов.

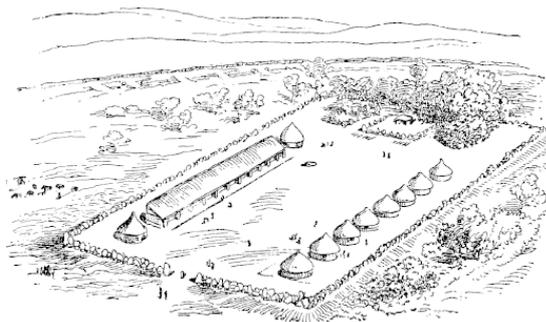

Рис. 5. Немеда и жилища друидов

Итак, лагерь закончен – кроме мест обитания племен, чьи площадки были только отмечены окружностями из камней, – и определенное число молодых мужчин было направлено, чтобы жить здесь, сменяя друг друга через день. Приходя сюда на закате дня, они оставались в лагере до наступления следующей ночи. Тем из прежних обитателей долины, которые все еще были живы, запретили входить в лагерь под страхом смерти.

Племена процветали, обогащаясь за счет даров земли и своего скота. Некоторые, обнаружив в окрестностях медную руду, занимались изготовлением оружия и домашней утвари. Были также и горшечники, которые искусно делали глиняные изделия. В определенные периоды года привозили свои товары торговцы. В обмен на соль, специи, вино в кожаных мехах и другие товары они брали изделия из бронзы, шкуры, сыр и зерно.

Племена (кельтов. – *Ред.*), уже в течение долгого периода не испытывавшие необходимости отбивать новые нападения, перестали охранять лагерь, который теперь посещался редко, разве только по случаю определенных торжеств и собраний, созываемых друидами. Последние жили сами по себе, окруженные своей общиной, внутри обширного огороженного двора, где они хозяйствовали и где паслись их овцы и рогатый скот. Крепостные валы, деревянные части которых сгнили, уменьшились в высоте и представляли собой лишь небольшие возвышения. В ряде мест они заросли растительностью. Но в том мирном состоянии, в котором жили племена, никто и не думал о том, чтобы отремонтировать эти оборонительные сооружения.

Обитатели долины часто ссорились с соседними племенами, и часто дело доходило до рукопашной; но вскоре мир восстанавливался, ибо никакое из племен не имело намерений покорить своих соседей и захватить их территорию.

Тем не менее спокойная жизнь некоторых раздражала и утомляла, а молодежь нередко уходила из долины в поисках приключений и чтобы посмотреть на мир.

Около 389 (390. – *Ред.*) г. до н. э. огромное количество людей, привлеченных обольстительным красноречием Бренна – вождя, избранного несколькими племенами для командования в дальних походах, – покинуло свои домашние очаги в надежде захватить богатую добычу в южных землях, что располагались за горами. Спустя два года малая часть ушедших в поход опять появилась в долине; они принесли с собой золото и дорогие ткани, и столь чудесны были истории, рассказанные ими о странах, которые они пересекли и в которых им приходилось непрестанно сражаться. (Около 390 г. до н. э. галлы во главе с Бренном разгромили римское войско в битве на реке Алия (приток Тибра), захватили Рим. Не был взят лишь Капитолий, где несколько месяцев держались последние защитники города. Галлы покинули Рим только после получения большого выкупа (1000 фунтов золота). – *Ред.*)

Они повидали города, окруженные мощными каменными стенами и наполненные величественными общественными зданиями и богатыми особняками. Эти города стояли среди плодородных земель, где выращивались виноград и всевозможные ароматные и сладкие фрукты.

Среди прочих результатов таких приключений было обнаружено, что тот, кто возвращался из дальних походов, утрачивал привычку к мирному труду; и хотя на чужбине погибло более половины их товарищей, вернувшиеся воины все еще мечтали о сражениях, грабеже и новых приключениях. Они бездельничали, вели себя высокомерно и раздражительно и даже стремились к установлению какого-то господства над мирными семьями, жившими за счет своего труда. Последние поначалу радостно приветствовали неожиданное возвращение этих воинов и с восторгом выслушивали истории об их героизме и приключениях, пересказываемые возле домашнего очага; но их высокомерное поведение, их праздность и хвастовство постепенно становились нетерпимыми. Каждый день возникали новые конфликты, обычно заканчивавшиеся кровью. Жены этих героев вели себя еще более высокомерно, чем сами воины, и осмеливались обращаться со своими вассалами как с рабами, как это делали дамы в странах, через которые столь славно прошли их мужья.

И поскольку дела дошли до такого состояния, то согласно обычаю на совещание в старый лагерь созвали вождей – чтобы поразмыслить над общими интересами народа и попытаться положить конец распрям. Мужчины всегда отправлялись на эти собрания вооруженными; женщины обычно приходили, принося с собой еду и питье, потому что, как правило, эти сходки завершались празднованием, длившимся целую ночь.

Наутро назначенного дня по всей долине разнеслись звуки труб, и можно было увидеть, как со всех уголков долины жители толпами стекались к холму. Задолго до этого через реку рядом с устьем впадающей в нее малой речки был построен деревянный мост. Когда вожди племен, сопровождаемые массой народа, появились около моста, они обнаружили, что он занят воинами, чьи ряды намного возросли за счет молодых мужчин долин и даже других воинов, чуждых местным племенам.

«Место сбора для народа в лагере, а не здесь, – заявил один из вождей. – Дайте нам пройти». – «Вы не пройдете, – ответил один из воинов, – не выслушав условий, которые выдвигаем мы». – «Мы не нуждаемся ни в условиях, которым надо подчиняться, ни в условиях, которые надо навязывать, – возразил первый. – Люди этой страны – свободные люди, и эта земля – их, в долине и на горах; дайте нам пройти!» – «Тогда вам придется это сделать силой», – ответил воин, наполовину обнажив свой меч.

Долгий рев возмущения последовал за этим неповиновением, и оружие засверкало на солнце среди толпы, как вспышки молнии. Однако вожди восстановили тишину и обуздали толпу. Затем они вместе дружно приблизились ко входу на мост, и один из них произнес следующее: «Что вы хотите? Вы не принадлежите нашим племенам! У вас нет стад, и жен, и детей, родившихся в этой долине! Какие условия вы собираетесь нам навязать – нам, равным с вами? Говорите! Что вы можете потребовать больше того, чем уже обладаете? Какие несправедливости совершены в отношении вас? Почему вы привели с собой людей, чуждых для этой страны, которых мы не знаем и которые не имеют права претендовать на что-либо общее для нас?»

«Ответь ему, Сигильд!» – сказали в один голос все воины. Вперед вышел Сигильд. Это был симпатичный молодой человек, уроженец этой долины, высокий и стройный, со спокойным выражением лица, а борода его только начала расти; грудь была защищена бронзовым панцирем, блестящим на солнце; его белые руки были открыты и украшены браслетами из золота. Он презирал шлем, и его светлые волосы, скрепленные на макушке золотой заколкой, спадали на спину; чейзы (вид штанов, где штанины имели разрезы по всей длине ног, соединяемые завязками), отделанные в ярких цветах, закрывали его ноги; подпоясан он был подобием шарфа, изящно переброшенным через плечо и левую руку. На боку висели небольшой щит и меч. Он улыбнулся, подал знак рукой, как будто прося тишины, и произнес:

«Друзья и братья, все мы свободны, и все мы одной крови; и мы должны оставаться едиными, чтобы разгромить тех, кто желает нас ограбить или поработить. И все же подумайте, что среди вас еще есть элита из воинов, которые покорили могущественные народы и разнесли

славу галльского имени за пределы гор. Многие погибли в бою; но разве не заслуживают те, кто вернулся к вам после столь многих испытаний, принеся с собой богатую добычу и обретя искусство во владении оружием, некоторого уважения от вас? Привычные к войне и всегда готовые пролить свою кровь, разве они не более пригодны для того, чтобы защитить ваши домашние очаги, чем те, кто ничего никогда не делал, кроме как ухаживал за скотом и пахал землю? И тем не менее они не просят вас содержать их в праздности или считать их вождами или хозяевами; их единственное желание – защищать вас. Они знают, до какой степени вы окружены алчными и завистливыми людьми, которые, завидуя процветанию вашей долины, вынашивают против вас самые ужасные замыслы. Воины знают это, потому что видели многих людей, о существовании которых вам даже не снилось, хотя они находятся вблизи ваших границ. Убаюканные длительной стабильностью, вы не в состоянии оказать сопротивление мощному нападению. И вот эти воины – ваши родственники, ваши братья, ваши друзья, той же крови, что и вы сами, – с мучительным беспокойством размышляют над этим состоянием спокойствия и мира, в котором вы пребываете. Поэтому воины сформулировали такое требование – они, как люди военные, займут этот лагерь, укрепят его, как надо, чтобы превратить в надежное место для убежища в случае вторжения и защищать его до последней капли крови. Есть ли в этом что-то плохое? Что касается воинов, которых вы рассматриваете как чужаков, то они – наши братья по оружию, которые сражались бок о бок с нами за горами, но которые, вернувшись в свои долины, разоренные мародерами, не нашли там своих жилищ и просят у нас убежища. Кроме того, если они не относятся к вашим племенам, разве они не такие же галлы, как и мы все?

Мы хотели сказать вам это здесь, а не на месте встречи, опасаясь, что наши намерения будут неверно поняты посреди такого большого скопления людей. Если наши предложения, задуманные ради общего интереса, покажутся вам справедливыми и если все вы еще упорствуете в том, что наверху надо провести собрание, мы пойдем в лагерь впереди вас и останемся там, когда вы вернетесь в свои селения.

Что касается нас, то, посвятив себя тем новым функциям, которые способны выполнять, мы превратим этот лагерь в цитадель, неприступную для любого врага, который осмелится напасть на нас».

За этой речью последовали долгое ворчанье и шепот, а вожди с нетерпением поглядывали друг на друга.

Самый уважаемый из них, приблизившись, произнес в свою очередь следующее: «Сигильд, слова твои справедливы; но действие, которое ты и твои сотоварищи предпринимаете в данный момент, оскорбительно и наносит удар по свободе жителей долины. Ты продемонстрировал перед нами воображаемые угрозы с целью остаться на этой возвышенности под предлогом защиты наших семей, но на самом же деле для того, чтобы отделиться от нас и действовать так, как вам заблагорассудится. Скажи нам, кто будет содержать вас и заботиться о вашем скоте, пока вы будете оставаться наверху при своем оружии, ожидая какого-то врага, который, может быть, вообще никогда не появится? Будучи единственными хозяевами моста и этих двух водных потоков, вы сможете, если захотите, воспрещать жителям долины заниматься охотой в лесах, которые простираются за этим лагерем, и рыбной ловлей в верхнем течении, где она лучше всего. И тогда мы окажемся зависимыми от вас. Если собрание сочтет желательным усилить оборонительные сооружения лагеря, каждый житель долины выполнит свою часть работы – и вы сами вместе с остальными. Если будет необходимо защитить святилище – каждый, кто в состоянии носить оружие, должен встать в ряды воинов; ибо все в равной мере заинтересованы в защите своих семей, в отражении врага и в том, чтобы предотвратить оскорбление нас и наших святынь. Тогда идем вместе с нами в лагерь; мы подумаем над всем, что касается интересов племен, и вам, как и нам самим, останется только подчиниться результату этого размышления. Что же до новичков, то, если они просят у нас убежища, вы

знаете, что им не будет в этом отказано; но им придется соблюсти условия, накладываемые на иностранцев, желающих жить вместе с нами. Более того, нам надо будет посоветоваться с овитами» (см. далее – тоже друиды. – *Ред.*).

Оттолкнув назад Сигильда, который готовился дать ответ, первый воин, так дерзко высказавшийся до этого, подошел к краю моста перед вождями и, разведя руки в стороны, заявил: «Никто не пройдет; вся эта говорильня бесполезна; возвращайтесь по домам; мы будем владеть лагерем».

При этих словах раздался гром тысячи голосов, и, несмотря на все усилия вождей удерживать людей, толпа мужчин из долины ринулась вперед, как стремительный поток. С обеих сторон обнажились мечи, и бряцание оружия смешалось с криками двух сторон. По всему берегу разнеслись проклятия, выкрикиваемые женщинами, и возгласы тех, кто убеждал мужчин двигаться к мосту, – все это выделялось на фоне шума и криков этой массы. Та группа, которая стремилась помешать проходу, на момент отпрянула назад с целью сосредоточиться в самом узком месте; и так как воины сгруппировались на мосту, чтобы послушать, что говорят по обе стороны, а многие даже взобрались на деревянные перила, это движение от фронта к тылу внесло замешательство в тесно скучившуюся толпу, и несколько человек упали в реку.

При виде этого раздался крик, а затем мощный взрыв хохота со стороны тех групп людей, что собрались на берегу; и защитники моста, и те, кто пробивался к ним навстречу, не имея понятия о причине этого смеха, остановились и стали оглядываться назад.

Но воинов, упавших с моста в реку, стесненных своей одеждой и обремененных оружием, хотя и умевших плавать, повлекло за собой течение – с быстротой, возросшей из-за подъема уровня воды. Их просто-напросто засосало в стремительный поток. На стороне долины были привязаны к берегу две лодки; через мгновение несколько зрителей бросились в эти челны и, гребя изо всех сил с помощью шестов, скоро спасли почти утонувших воинов и доставили их на берег.

Трое из них были без сознания; им была оказана вся возможная помощь, и их одарили самым заботливым вниманием (женщины – особенно).

В результате этого эпизода стороны перемещались; защитники моста отошли на берег и окружили симпатичного Сигильда, который с улыбкой отвечал на все задававшиеся ему вопросы обнадеживающими словами. Было видно, как он слегка пожимал плечами и вежливо покачивал головой. Вооруженная борьба отныне была невозможна, и боевые кличи сменились на смех. Одна более плотная группа, состоявшая из членов обеих партий, вела оживленную дискуссию вдоль одного из перил моста, когда один из жителей долины, на которого, похоже, было обращено внимание окружавших его людей, ловко взобрался на перила и, привязав свой щит к плечу, прыгнул в реку.

Скоро он появился на поверхности воды и, демонстрируя энергию и ловкость, добрался до берега у подножия скалы.

На противоположном берегу возобновились крики «ура»; через мгновение две лодки оказались заполненными людьми из долины, другие люди переправились вплавь, а третьи – на лодках, которые перевезли воинов и вернулись за новыми на другой берег. Несколько лодок переправили с берега на берег огромное количество людей – так много, что стражи моста оказались между двумя группами противников, которые стали бы их врагами в случае, если бы они продолжали упорствовать. Смех гремел с обеих сторон и даже передался воинам, поставленным на проходе. Группа защитников становилась все менее и менее плотной, и если они не отступали все вместе – что вызвало бы новый взрыв веселья, – то они отступали постепенно. Скоро настил моста покинули все, кроме угрюмого зачинщика этого раздора, чьи дерзкие слова чуть не привели к кровопролитной схватке. Он, конечно, не смеялся; обнаружив же, что всеми покинут, он швырнул свой меч в реку и, пробившись сквозь толпу, направил

свои стопы в сторону долины. Красивый Сигильд, окруженный большей частью воинов, пошел вверх к лагерю, и вся толпа последовала за ним.

Глава 3

Первая осада

Через тридцать лет после только что описанного события долина Авона все еще сохраняла свой процветающий вид и была покрыта сельскими поселениями; однако перед недавно упоминавшимся мостом и позади него можно было заметить две группы домов, расположившихся в тесной близости: первая распространялась в сторону долины, а вторая нашла себе место в нижней части подъема к лагерю. На берегах у моста на якоре стояло много лодок, и на них грузили или с них выгружали тюки, завернутые в камыш. Наверху скалы виднелись очертания крепостной стены, сложенной из камня, бревен и земли, но с квадратными башнями, большей частью состоящими из бревен и плетней и отстоявшими друг от друга примерно на сто шагов. За пределами крепостных стен поднимались небольшой высоты палисады перед ровом шириной 6 футов и глубиной 3—4 фута. Входы в Оппидум, который все еще занимал ранее указанное место, были обильно окружены извне столбами, соединявшимися с помощью веток деревьев. В нижнем конце рядом с двумя башнями из бревен и плетней были проложены две потайные дороги.

Причиной таких перемен стали серьезные события.

Собрание, о котором сообщалось в предыдущей главе, все же состоялось, и именно в лагере на плато. Царившие беспорядки и замешательство грозили кровавым финалом. Воины настаивали на том, чтобы все придерживались программы, изложенной симпатичным Сигильдом, и на сохранении за ними привилегии охраны лагеря.

Вожди племен не хотели соглашаться с этим. Обратились за советом к овитам, самым мудрым среди друидов. Но их ответы, имевшие несколько двусмысленный, расплывчатый характер, не удовлетворили толпу.

Последние (овиты) заявили, во-первых, что к Немедe нельзя прикасаться, потому что это навлечет самые жуткие бедствия на племена; что стада, принадлежащие жреческой общине, должны беспрепятственно пастись на плато и что если обитателям долины будет угрожать какая-либо беда, то они, друиды, смогут вовремя предупредить об этом защитников. При оглашении этого решения с лица симпатичного Сигильда не сходила его привычная улыбка, и он вежливо покачивал головой в своей обычной манере, но не произнес ни слова. Жрицы, которые сидели по периметру святилища Немеды, положив руки на колени с мечтательным, задумчивым видом, похоже, не принимали участия в этой дискуссии. Мужчины разделились на группы, и казалось, что до захода солнца не будет принято никакого решения. Голод и жажда все острее давали о себе знать, и женщины стали раскладывать на траве припасы, которые они принесли с собой. В этот момент одна из жриц, подталкиваемая другими, вышла на середину собрания. Она была молода, высока ростом и одета в длинную белую мантию – что-то похожее на верхнюю ризу с широкими рукавами, но без пояса; а ее обнаженные руки были украшены браслетами из черного стекла. При виде жрицы все голоса стихли, и, окруженная другими жрицами, следовавшими за ней, она произнесла следующее:

«Вы, которые собрались здесь, которые живут в мире, полагая, что вам нечего бояться никаких врагов, не способны спокойно поразмыслить и принять мудрое решение. А что же будет, когда враги нападут на вас? И я предупреждаю вас, что этот враг рядом, он готовит свое оружие и подсчитывает свою добычу, которую получит, разграбив ваши стада и ваши дома; он действительно уже празднует победу, которая ему кажется определенной, потому что знает, что вы не в состоянии действовать воедино, чтобы оказать ему сопротивление.

Покиньте это место, которое вы не способны защитить, потому что не знаете, как укрепить его; возвращайтесь по своим домам и беспечно дожидайтесь наступления часа беды».

Вокруг молодой женщины, бледной от волнения и говорившей без единого жеста или движения, как будто слова, медленно произносившиеся ею, исходили от статуи, толпа сбилась в плотную массу. Дрожь пробежала сквозь толпу, как ветер проносится через пшеничное поле. И тут в едином порыве вся толпа обратила взоры на Сигильда. Тот, стоя перед жрицей, оставшейся неподвижной, как статуя, на камне, служившем ей трибуной, вопреки своей привычке, опустил глаза, смотря в землю, как будто не мог вынести огня всех устремленных на него взглядов.

Сквозь шепот в толпе можно было смутно разобрать имя Сигильда. «Пусть Сигильд будет нашим Бренном!» – произнес чей-то голос. И немедленно тысячи голосов повторили: «Пусть Сигильд будет нашим Бренном!» Было похоже, будто всем тем, кто несколько минут назад был совершенно противоположного мнения, в голову пришла одна мысль и они стали единой душой и единым голосом.

Так Сигильд был провозглашен Бренном, и ночь прошла в веселом праздновании.

То ли молодая жрица была информирована о планах, которые строили соседи против счастливых обитателей долины Авона, то ли вдохновение или случай привели к этому совпадению, но прошло лишь несколько месяцев со дня этого собрания, когда люди заметили явных чужеземцев, бродивших возле холмов. Они быстро исчезали, когда жители начинали их спрашивать; а потом большее, чем обычно, число торговцев появилось в долине. Они вели себя дерзко, осмеливались затевать ссоры с жителями и изрекали угрозы, когда на их высокомерие ответили надлежащим образом; а несколько из них, будучи изгнанными, угрожали вернуться и отомстить.

И в самом деле, однажды высоты, окружавшие долину, оказались одна за другой заняты отрядами вооруженных людей.

Но Сигильд, избранный Бренном, времени не терял. Прежде всего он собрал вокруг себя всех своих старых товарищей по оружию; и много молодых людей, которые предпочли военную жизнь мирным хлопотам пастуха или землепашца, также присоединились к нему.

У нового Бренна было золото, и по обстоятельствам он оплачивал мужчинам их труд в Оппидуме. Испытывая глубокое уважение и почтение к друидам, он украсил Немеду и, казалось, не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с овитами. Бренн (Сигильд) приносил им добычу из своих охотничьих походов, а также издал распоряжение о том, что рыбная ловля выше моста закрепляется за жреческой общиной.

Лагерь день ото дня принимал все более внушительный, грозный вид, но жить там разрешалось только Бренну и его воинам, вместе с жреческой общиной. Как и ранее, каждый человек в долине был обязан отработать каждый четвертый день на укреплении лагеря; более того, жители Вал д'Авона (долины Авона) снабжали воинов продуктами. Однако они начали роптать и жаловаться на поборы со стороны воинов; и, наверное, дела не могли продолжаться подобным образом, но вдруг появилась угроза извне.

В лагере немедленно слышались звуки труб: это был заранее согласованный сигнал, и можно было видеть, как несчастные семьи долины в беспорядке ринулись к мосту, гоня перед собой скот и неся на плечах или катя в тележках свое самое ценное имущество – продукты, одежду и даже мебель. Мост был не столь широк для прохода обезумевшей толпы, которая рвалась к нему, лодки были перегружены людьми, и многие из них пошли ко дну.

Вооруженные группы чужаков, появившиеся на холмах, то ли из осторожности, то ли потому, что дожидались команды к наступлению, не спешили спускаться в долину. Прошла ночь, но ни один враг не покинул свои позиции, удобные для наблюдения.

Эта ночь была мучительной для жителей долины. Стояла осень, и уже стал чувствоваться холод. В лагерь люди прибывали запыхавшись, обливаясь потом; холодный воздух ночи морозил их конечности. Люди звали друг друга, разыскивая родных в толпе, и хотя нельзя сказать, что места не доставало, но казалось, что эта толпа людей никогда не сможет устроиться на плато.

Разожгли костры, и воины, товарищи Сигильда, разъезжали взад и вперед на лошадях, требуя внимания и стараясь навести хотя бы небольшой порядок в этой неразберихе; для каждого племени мудрым предвидением Бренна было назначено свое место. Но те, кто прибыли первыми в какую-либо точку, вовсе не желали покидать ее и вновь тащить куда-то свой груз. Мычали и блеяли животные, плакали дети, и рыдали женщины. Долина представляла совершенно иное зрелище; такая оживленная еще лишь прошлую ночь, освещенная тысячами домашних очагов, искрившихся между деревьями, и наполненная вечерними звуками, сейчас она была молчаливой и пустынной; незаметно было ни огонька, ни малейшего проявления жизни. Над полянами висел бледный туман. С наступлением ночи Сигильд приказал закрыть все входы в лагерь, запретив под страхом смерти открывать их кому-либо. Так что многие опоздавшие семьи были вынуждены дожидаться прихода дня под крепостной стеной.

С улыбкой на лице Бренн неторопливо объезжал различные уголки лагеря: он разговаривал со всеми, кто встречался, и его мягкий, проникновенный голос, похоже, восстанавливал порядок и тишину везде, где его слышали. Его слова и советы, а также усталость, которая стала охватывать толпу, скоро помогли спокойствию победить замешательство, которое поначалу здесь царило. Затем Бренн вошел в свое жилище, которое приказал построить для себя на выступающей вершине скалы перед Немедой, и вызвал к себе Томара.

Томар был одним из чужеземных воинов, которых Сигильд держал подле себя после описанного выше собрания. Были ли эти иностранные воины вынуждены покинуть свои родные края в результате опустошения их владений и гибели семей, как это утверждал Бренн, или же их изгнали соотечественники за какие-то прегрешения? Этого мы сказать не можем. Наверняка они отдали свои тело и душу Сигильду, который, со своей стороны, был в состоянии щедро вознаградить их за преданность. Томар был среднего роста, и его крупная голова на короткой шее, ошетилившаяся жесткими, густыми волосами, казалось, поворачивалась с трудом. Лицо его тоже сохраняло какую-то печать неподвижности; но не такими были его серые глаза, которые под серыми же бровями как будто пронизывали все вокруг, а в остальном этого человека можно было принять за грубо отесанное изображение из дерева. Со своей согнутой спиной, длинными руками, всегда висящими по бокам, тяжелыми и полусогнутыми ногами, Томар тем не менее мог совершать двенадцатичасовые переходы не повернув головы. И тем не менее к концу перехода это похожее на машину существо успевало разглядеть все, что было видно на всем пути, и могло доложить о том, что оно заметило, с самыми детальными подробностями и в самой точной последовательности. Он мог говорить на многих галльских диалектах, но никто – даже Сигильд – не знал его прошлого. Томар редко смеялся. Как-то бродячий торговец привез с собой в долину обезьянку; и вот, наблюдая за гримасами этого образчика четвероруких, Томар взорвался хохотом. Это был практически единственный раз, когда он позволил себе подобную вспышку эмоций, и, если кому-то хотелось вызвать какое-то подобие улыбки на его жестком лице, он должен был напомнить об этой обезьянке.

В своей обычной манере Томар вошел в жилище Бренна бесшумно, как кошка, и, остановившись перед Сигильдом, сказал: «Я здесь!» – «Томар, я полагаюсь на твою помощь». – «Да». – «Ты покинешь лагерь так, чтобы ни единый человек – подчеркиваю, ни единый человек – не подозревал о твоём уходе». – «Да». – «Ты дойдешь до границы секванов (секваны – группа галльских племен, жившая на востоке Галлии (совр. Франш-Конте на востоке Франции). – *Ред.*), понял? Ты переговоришь с Дитовиксом, понятно?» – «Да». – «Ты попросишь у него пятьсот воинов из разряда тех, кому нечего терять». – «Да». – «Ты скажешь ему, что эти воины найдут здесь землю и богатство». – «Да». – «Ты проведешь их через леса, собрав всю информацию, какую сможешь». – «Да». – «Тебе понадобится три дня на дорогу, один день на то, чтобы устроить дела с Дитовиксом, собрать пятьсот воинов – шесть дней, привести их сюда – четыре дня, всего четырнадцать дней.

Рис. 5а. Первая осада – Сигильд и Томар

Вечером четырнадцатого дня, начиная с завтрашнего утра, ты и пятьсот воинов будете на расстоянии 3 миль от лагеря, к северу, в лесу. На закате дня на верхушку одного из самых высоких деревьев ты прикрепíš шест; когда пройдет четверть ночи, ты поднимешь зажженную вязанку хвороста на верхушку шеста. Твои воины будут с оружием, и ты сразу же набросишься на врагов, которые будут между нами и вами. Мы в это же самое время внезапно перейдем в наступление и нападём на них». – «Враги будут там?» – «Враги наверняка будут там, потому что если хотят осадить лагерь, то не смогут занять никакую иную позицию. Они наверняка должны быть там». – «Отлично, я ухожу». – «Слушай! Если встретишь какой-нибудь вражеский отряд, скажи, что мы причинили зло тебе и твоим воинам и что ты хочешь нам отомстить, зная, что мы вот-вот сдадимся им. Они примут или отвергнут твоё сотрудничество. Если примут, ты и воины Дитовикса займите часть вражеского лагеря и по согласованному сигналу создайте неразбериху повсюду, в то время как мы сделаем вылазку из-за крепостной стены и нападём на них; если же враги откажутся от сотрудничества, то ты вместе с воинами Дитовикса прикиньтесь очень разгневанными; сделайте вид, что уходите, а к концу дня возвратитесь в условленное место». – «Ну а если враг займет это место?» – «Вражеские воины его не займут, потому что мы вынудим их вождей сосредоточить все силы вокруг нас. погоди, вот золото и кольцо, хорошо известное Дитовиксу. Слушай дальше. Во время атаки, поскольку

это будет в полночь, воины, которых ты приведешь, и наши воины, не зная друг друга, могут в драке перебить друг друга. Пусть перед боем каждый из твоих воинов наденет ожерелье из травы и зажжет все, что может гореть. Это будет несложно; враг будет делать для себя укрытие из веток: мы наденем такие же ожерелья, как и у вас, и разожжем костры на нашей стороне. Далее, во время атаки пусть все твои воины кричат «Сигильд!». Наши ответят тем же кличем. Чтобы не возникло проблем с огнем, возьмите горящие угли в глиняных сосудах; пусть будет по крайней мере один сосуд на каждые пять человек. Если же враги примут вашу помощь, держитесь от них как можно дальше, чтобы вам не было трудно изготовить травяные ожерелья; вы будете использовать свои горящие угли и в то же время можете воспользоваться огнем, который зажжен врагами. Но если из недоверия они разобьют вас на маленькие группы, заранее договоритесь о сигнале к атаке и вместо травяных ожерелий обнажите правую ногу... Четырнадцать дней!» – «Понятно».

Сигильд окружил лагерь чередой деревянных башен, размещенных на старой крепостной стене, которая была укреплена. Эти башни, внешний вид которых показан на рис. 6, были построены из стволов деревьев, уложенных друг на друга в сруб.

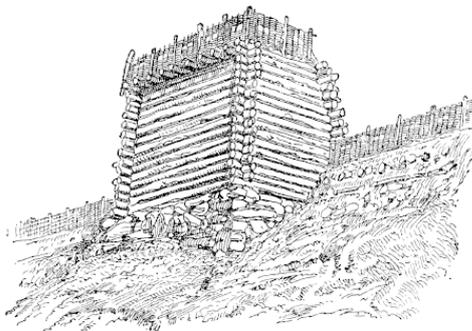

Рис. 6. Деревянные башни Оппидума

Башни возвышались над крепостным валом. На верхушке каждой башни был сооружен деревянный настил, окруженный бруствером с бойницами; на этот настил взбирались по лестнице, устроенной внутри башни. Нижний этаж обеспечивал защиту для воинов, отвечающих за оборону башен. В случае, если те воины, кто вели наблюдение наверху, замечали какое-то подозрительное передвижение снаружи, они должны были подать сигнал тревоги, протрубив в рог. Сигильд определил на каждую башню по двадцать человек. Двое из этих двадцати постоянно находились на платформе, день и ночь делились на четыре части; восемь человек дежурили днем и восемь – ночью. Из оставшихся четверых первый был начальником башни, второму были доверены склады и раздача пищи и оружия, третий находился в распоряжении начальника башни для доставки сообщений и, в случае необходимости, поисков помощи, а обязанностью четвертого был ремонт повреждений, нанесенных оборонительным сооружениям в случае нападения.

Поскольку длина внешнего защитного вала составляла четыре тысячи пятьсот шагов, а башни располагались через каждые сто шагов, на валу было сорок пять башен, включая более мощные и высокие, размещенные по обе стороны от входов. Таким образом, для охраны башен было выделено девятьсот человек. Сигильд принял меры предосторожности, создав склад бревен и веток, принесенных внутрь двора Оппидума. Его стараниями были углублены колодцы, а перед северной частью крепостной стены был выкопан ров. Вдобавок к стадам, которые обычно паслись внутри лагеря, огромное количество рогатого скота было пригнано на плато беженцами. Но прокормить всех этих животных было бы невозможно, если бы заранее не были заготовлены запасы сена. Соответственно, рядом со стеной были разложены огромные его копны, связанные камышом.

Между башнями охрана крепостной стены была доверена тысяче воинов, находившихся под командой пятидесяти трех командиров; два входа были отданы под начало отряда бойцов, чье мужество было проверено, и они были хорошо знакомы Сигильду.

Весь этот гарнизон, состоявший примерно из двух тысяч человек, давно уже обосновался в лагере и частично выполнил работу по его укреплению. Что касается беженцев, их число могло доходить до двенадцати тысяч, и из этого количества по крайней мере те две тысячи человек, которые были способны сражаться, получили оружие и были приучены к тяготам воинского дела.

Вместо первоначальных жилищ, которые развалились, Сигильд построил нечто вроде обширных навесов (галле). Таких навесов было шесть, по одному на каждое племя. Перед каждым из них на одном и том же удалении находились круговые очаги, сложенные из плоских камней и предназначенные для приготовления пищи. Как только солнце появилось над горизонтом, на смену тишине пришел неясный гул голосов, который постепенно захватывал плато. Но Сигильд ночью времени не терял. Его надежным сторонникам были отданы приказы; восемь командиров на конях, сопровождаемые вооруженными людьми, прошли вместе с толпами беженцев и указали каждому племени место, которое было ему отведено. То ли из-за усталости, то ли из-за ощущения опасности толпа подчинилась, и к середине дня в лагере исчезли признаки беспорядка, которые проявлялись прошлым вечером. Вокруг навесов, которых не хватало для такого количества семей, можно было увидеть мужчин, мастеровивших жилища из веток. Более крупные животные были привязаны к шестам и паслись на траве, которая была не столь затоптана; овец загнали в загоны, а женщины готовили дневную еду; в каждом уголке бегали дети и, казалось, радовались этой новой жизни. Что касается воинов, они молча следили за окрестностями с крепостного вала и с башен.

Наутро долина была окутана густым туманом, повсюду были видны вершушки холмов, возвышавшихся над пеленой тумана; на их хребтах не было признаков врагов, а из белого пара, спрятавшего долину, не раздавалось ни звука. Может быть, враг отошел? Может, это была ложная тревога?

Из лагеря едва можно было разглядеть течение реки под плотным облаком тумана, который накрыл ее. К концу первой четверти дня Сигильд отправил отряд из ста человек с приказом осмотреть мост и берега реки и ручья. Если враги не появятся, отряду следовало спуститься вниз по ручью и разведать местность к северу; воины должны были избегать столкновений с врагом. Десять бойцов должны были остаться на мосту, чтобы собрать хворост и поджечь его в тот момент, когда они завидят в долине врага. Постепенно туман рассеялся, и к полудню солнце уже светило во всю мочь на всем протяжении долины. Ничто не нарушало тишину, воздух был спокоен, а вдали было видно, как пасся скот, которого забыли угнать с собой. Многим из беженцев захотелось покинуть лагерь и вернуться в свои дома, чтобы там и остаться, или захватить с собой предметы, которые они не смогли ранее унести. Сигильд удвоил посты на входах с приказом никого не выпускать. Он ходил от одного человека к другому, стараясь объяснить людям, что враг совсем не собирается уходить, а только дожидается случая, чтобы захватить тех беспечных, кто попытается вернуться к себе домой. «Они спрятались в засаде, – убеждал он. – Они надеются, что вы ослабите бдительность и станете их добычей без борьбы; хоть они и жаждут вашего имущества, но еще больше они хотят завладеть вами самими; враги уведут вас, ваших жен и ваших детей, чтобы продать как рабов другим народам – там, за горами». Несмотря на это предупреждение, много народу побрело к местам выхода из лагеря, и вооруженным охранникам пришлось усердно поработать, чтобы оттеснить эту толпу назад, когда к восточному входу подъехали пятьдесят воинов, посланных Сигильдом на разведку. Они были покрыты грязью и потом. На расспросы Бренна они ответили, что были примерно в трех тысячах шагов от лагеря к северу в лесах и, хотя передвигались осторожно, все же внезапно оказались окруженными врагами; своим бегством они обязаны лишь хорошему

знанию местности и что они убежали, бросившись в узкий овраг, заросший кустарником и сгнившими стволами деревьев, который привел их к ручью неподалеку от лагеря. «Ваш командир убит?» – спросил Бренн. «Мы не знаем». – «Вы бросили его!» – «Нам было приказано избегать каких-либо столкновений». – «Вы не бросили свое оружие?» – «Оружие при нас». – «Идите и отдыхайте!» Через мгновение вход очистился, и толпа возвратилась в молчании к своим лагерным площадкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.